

Георгий Алексидзе родился в Тбилиси. По меткому выражению его отца, дом был «густо населен музами». В этом не было и тени выдумки. Судите сами: бабушка Георгия поэтесса Мариджан сочиняла лирические стихи и дружила с Эвтерпой, тетья — народная артистка Грузинской ССР И. Алексидзе — была хорошо знакома с Терпсихорой, музой танца, а отец, народный артист Грузинской ССР, профессор Алексидзе, навсегда связал свою судьбу с Мельпоменой, суровой музой драматического искусства.

Что и говорить, в таком окружении выбор профессии был делом нелегким. Но Георгий, на удивление старших, решил его довольно легко, поступив в обучение к Терпсихоре, а попросту говоря, в Тбилиское хореографическое училище...

Время он делил между постоянными занятиями, репетициями и ежедневным тренажем. В 1958 году Георгий переходит в Московское хореографическое училище, где занимается в классе известных педа-

гов Н. Тарасова и А. Мессерера. А после выпускного спектакля — снова родной Тбилиси, Театр оперы и балета имени З. Палиашвили. Первые роли, большие и маленькие, и снова тренаж, репетиции, труд. Работа увлекала Георгия, волновала своим кипучим, безудержным ритмом, но, к сожалению, не приносила полного удовлетворения, не забира-ла всех творческих сил.

И вот состоялась первая проба «пера»: одноактный балет на музыку «Маленькой ночной серенады» Моцарта. ...Легкие фигуры танцовщиц в классических костюмах, белых пудренных париках, ажурность и

тив, заставляет зрителя взглянуть на произведение Рамо глазами современника, создавая собственную танцевальную стилизацию замысла композитора. В таких номерах сюиты, как полонез, менуэт, чакона, нет движений из исторических танцев, нет этнографического буквализма — ощущение эпохи передано общим настроением танца, его ритмом, легким, порой едва уловимым прочерчиванием танцевального силуэта.

И рядом с рафинированной классикой — «Скоморохи», балет, созданный на музыку молодого ленинградского композитора Ю. Фалика. ...Шумит, гогочет ярмарка, четверка удалых парней забавляет толпу. Причудливые ракурсы поз, необычные движения рук, закинутые вверх головы — и вот мы уже видим, как один из них ловко балансирует по канату, грозя сорваться вниз. В распоряжении у актеров нет ни бутафории, ни вспомогательных аксессуаров, все совершается на глазах «у честной публики» с помощью выразительного жеста, верно найденного движения, яркого, действенного танца.

Полно очарования, новизны и непосредственности хореографическое прочтение Алексидзе «Метаморфоз» Овидия на музыку Б. Бриттена. Перед зрителями прошли и стройный, влюбленный в себя красавец Нарцисс, и охваченная неодолимым горем Ниобея, и полный экспрессии и огня Вахх. В этих миниатюрах Г. Алексидзе показал, что он обладает своим видением темы, своей четко выраженной системой хореографического мышления.

Три афоризма из раннего фортепьянного цикла Д.^о Шостаковича (в переложении для духового квинтета В. Буяновского) объединены Г. Алексидзе единством замысла и темы. Хореограф сумел различить в «Афоризмах» ростки будущей оперы «Катерина Измайлова», написанной несколькими годами позже. Как в поэзии глубокая и тонкая мысль облекается порой в форму небольшого лирического стихотворения или едкой, разящей эпиграммы, так и у Алексидзе вихрь человеческих страстей выражен в колоритных и сочных эскизах. Молодой хореограф смело сочетает здесь танцевальную гиперболу и полетную, «прыжковую» экспрессию, острый гротеск и углубленный психологизм. «Афоризмы» Шостаковича обрели выразительную, пластическую жизнь на балетной сцене.

«Послужной список» Г. Алексидзе растет с каждым днем, от концерта к концерту. Обширны замыслы молодого хореографа: здесь и «Диалог» композитора М. Слонимского, и хореографические миниатюры на музыку зарубежных композиторов. Поиск продолжается.

И. СТУПНИКОВ

На снимке: «Сиринкс» Дебюсси исполняет Н. Макарова, хореография Г. Алексидзе. Фото Н. Аловерт

ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Нет, Георгий по-прежнему любил театр, любил балет, но больше всего ему хотелось не исполнять танец, не воплощать на сцене чужой замысел, а создавать, сочинять свои хореографические образы, познать строгие законы хореографической логики...

И вот — Ленинград, Ленинградская консерватория, где на балетмейстерском факультете начал Алексидзе овладевать второй профессией — «архитектора» танца.

Георгию повезло: он учился в классе старейшего балетмейстера страны, народного артиста РСФСР Ф. В. Лопухова, человека острого ума, редкой наблюдательности, неутомимого и интересного спорщика, участника многих схваток по вопросам советского балета. Многолетний опыт балетмейстерской работы Федора Васильевича, обширные знания и поистине юношеская фантазия не замедлили сказаться на качестве и характере занятий. Многого требовал от молодого балетмейстера стро-

графическая точность танцевального рисунка. Алексидзе тонко «высветил» главные темы музыкальной партитуры, создал прозрачные, зыбкие в своей красоте ансамбли, словно рассыпающиеся под напором моцартовских ритмов...

Вскоре в жизни Г. Алексидзе происходит событие, во многом изменившее течение его студенческой жизни: начинающему балетмейстеру посчастливилось встретиться с одним из первоклассных музыкантов нашего города, солистом Ленинградской филармонии, руководителем квинтета духовых инструментов В. Буяновским и артисткой балета Театра имени Кирова Т. Базилевской, давно мечтавших о том, чтобы слить воедино на основе полного равноправия танец — зримую пластику человеческого тела и музыку — многогранный звуковой спектр, создаваемый духовыми инструментами. Искусства протянули друг другу руки — возник новый творческий организм «Камерный балет», репертуар которого состоит теперь главным образом из хореографических сочинений Г. Алексидзе.

...Жан-Филипп Рамо — французский композитор XVIII века. Его творчество привлекло молодого балетмейстера ясностью и четкостью музыкальной формы, тонкостью мелодического рисунка. Но хореограф не уводит нас в далекую эпоху, когда сочинялась музыка, а, напро-

ИДЕТ СМОТР
МОЛОДЫХ